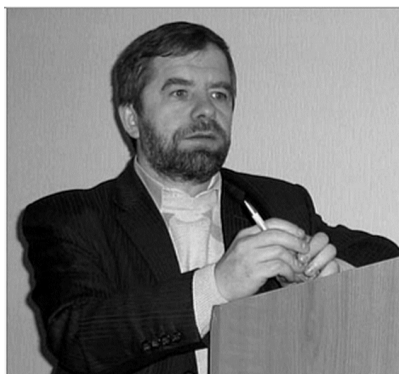

Элохим, сотворяющий Адама. Художник Уильям Блейк. 1795.

УДК 1.11:17

С.А. Нижников

А.А. Лагунов

**Нижников С.А.*,
Лагунов А.А.****

Фил и Соф: диалоги о вечном и преходящем. Диспут о пантеизме и трансцендентизме¹

*Нижников Сергей Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов
E-mail: nizhnikovs@mail.ru

**Лагунов Алексей Александрович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и теологии Северо-Кавказского федерального университета
E-mail: emailag@mail.ru

Предмет данного диалога – кардинальные метафизические понятия: пантеизм и трансцендентизм. В форме беседы рассматриваются основополагающие философские проблемы, обсуждаются различные мировоззренческие типы (теизм, пантеизм, материализм) и их влияние на социально-политическую жизнь: связь с политическими идеологиями прошлого (большевизм, нацизм) и современности (либеральная демократия). Христианство актуализируется как непреходящий источник всех социальных метаморфоз. Религиозно-философский и социально-политологический материал излагается в духе известного сборника статей «Вехи» (1909), но в диалогической остро-дискуссионной форме.

Ключевые слова: аморализм, атеизм, богочеловечество, гностицизм, духовное, интеллигенция, моральный релятивизм, неоплатонизм, пантеизм, православие, рационализм, трансцендентизм, человекобожество.

Фил. Дорогой мой друг Соф, ты не раз говорил о том, что эсхатология и трансцендентность являются неизменными атрибутами всякого теизма, претендующего на адекватное понимание мира, если последний

¹ Продолжение. Начало см. Нижников С.А., Лагунов А.А. Фил и Соф: диалоги о вечном и преходящем. Размышления о вере и неверии // Пространство и Время. 2012. № 2(8). С. 199–207; № 4(10). С. 187–197.

сотворен Богом. Соглашусь с тобой. Но вот по поводу и пантеизма, часто толкующегося как синтез теизма и пантеизма, и всеединства у меня все еще остаются мучающие меня вопросы. Пантеизм ведь тоже возник не на пустом месте, он – прямое следствие рациональной деятельности человека, пытающегося охватить и объяснить весь мир, и от «рацио» здесь нам никуда не деться, как ни крути, а он – основной инструмент философствования, и откровения, интуиции, в конце концов, опираются на него, родимого.

Обдумывая идею теизма о тварности мира, нельзя не придти к мысли о том, что Абсолют больше, чем актуальная и потенциальная бесконечности, вместе взятые. Поэтому идею всеединства правомерно распространять на развивающийся мир как актуальную бесконечность, и хотя Абсолют у нас остается «за скобками» мира, тем не менее, он благодатно (энергично) участвует в его жизни, что отсеивает всякие обвинения в деизме.

Попробую развить эту мысль. Тезис пантеизма «Все в Боге» не обращается в пантеистическое «Бог во всем», поскольку Бог, Абсолют трансцендентен миру, и отношения между ними всецело антиномичны. Реальность стихийна, она, будучи сотворенной, несет в себе зародыши добра и зла (дерево познания добра и зла сотворено Богом до сотворения Адама и Евы), которые актуализируются действительно произвольной свободой человека. При этом нельзя сказать, что Бог создал зло, потенции добра и зла изначально заложены в природе, а миссия человека – открыть в ней Божественную Свободу (возможно, поэтому грехопадение было неизбежным?). Смысл человеческого бытия и состоит в том, чтобы посредством сублимации (умственного и нравственного возвышения), которая невозможна без синергии Бога и человека, актуализировать потенциальную свободу, совершить теозис. Вот так примерно видится мне сегодня пантеизм, хотя, возможно, приписывая ему вещи, не свойственные историческому пантеизму, я искажаю само понятие, и следует ввести другое.

Соф. От рационализма прямой путь в объятия пантеизма, в какой бы форме он ни выражался, натуралистической (Бог в природе), или мистической (пантеистической) (природа в Боге). Есть много хороших философских трактатов, которые яснейшим образом показывают нам, откуда «растут ноги» разнообразных версий пантеизма, – из гностицизма и неоплатонизма, с которыми христианство боролось и интеллектуально, и духовно, и которые победило в первые века нашей эры. Именно благодаря этой победе и состоялась современная цивилизация. Иначе бы древний мир не закончился и варварство продолжалось. Сейчас мы утрачиваем плоды этой победы и сдаемся на милость всеобщему варварству – отсюда и мировые войны, глобальные проблемы, духовно-нравственная деградация человека – вот тебе и эсхатология.

Ты верно начал с рационализма – в нем корень проблемы и прямой путь к пантеизму. Рационализм другого просто не может придумать. Пантеизм – единственная рациональная картина мира, а затем также естественно происходит дальнейшая мировоззренческая деградация – в материализм. Это мы и наблюдаем в истории новейшей европейской философии. Пантеизм логически завершается материализмом. На уровне человеческой жизни – это приоритет материальных ценностей, торжество эгоизма, безверие во все духовное, во все ценности и как следствие – порабощение человека, тоталитаризм в различных его вариациях, от социалистической до нацистской и «демократической». Чтобы выйти из порочного круга рационализма, необходимо вначале духовный прорыв, который может осуществиться только благодаря вере. С позиций рационализма нельзя говорить о трансцендентном вообще, ведь оно – продукт веры, а не логики. Логика не может осуществлять «вертикальную мобильность», она может только вращаться по кругу. Вывести логику на иной уровень может лишь духовно-мировоззренческий прорыв, но тогда действует уже другая логика, из других оснований исходящая. Ап. Павел замечательно сказал о мудрости мира сего и о вере, которая есть безумие для рассудка. А вот что пишет наш современный философ – Анатолий Васильевич Семушкин:

«Еще на самой заре своего существования человек обнаруживает, что мир, в котором он живет, ненадежен и изменчив, и тогда он начинает упорно искать мир другой, нечто неподвластное тлетворному влиянию времени, нечто, способное защитить смыслы его жизни от эрозии и энтропии. И человек устремляется из брэнной реальности, где властвует неумолимое время, к реальности высшего порядка, реальности вечности. И стремясь преодолеть границы отпущенного нам удела, мы открываем *Трансцендентное*»¹.

На деле в пантеизме и всех его разновидностях нет трансцендентного, как нет его и в неоплатонизме. Есть понятие сверхсущего как периферии сущего, но не трансцендентного как его мыслят мировые религии и соответствующая им философия. Но только из понятия трансцендентного возможно, в том числе, и логическое обоснование человеческой свободы, добра, ценности человеческой личности. Иначе она растворяется в природе, а в сфере этики происходит потеря четкого разделения добра и зла, что ведет к уничтожению морали – так уже происходило в гностицизме. Так, учитель А.В. Семушкина А.Ф. Лосев отмечает:

«Именно неоплатонизм пришел к полному узаконению всего, что творится на свете, к полной законности зла, к полной безответственности отдельного индивидуума, к оправданию и позволенности всего существующего... И это вполне понятно, потому что божественное, построенное по типу природного, приводило к пантеизму, а пантеизм приводил к оправданию и узаконению и любого природного порядка, и любого природного, а вместе с тем и общественного беспорядка и хаоса... Это – сама крайняя ступень понимания божества как отражения материальных сил природы и общества»².

Ты говоришь о каком-то «синтезе». Синтезе чего – трансцендентизма и пантеизма? Но ведь это невозможно хотя бы по принципам все той же рациональной логики. Нельзя же подружить волка с ягнёнком. Они – мировоззренчески противоположны, поэтому соединить их можно, только подчинив одно другому. Такая попытка соединения в западной философии, кроме эклектики, ничего хорошего не породила, да еще запудрила мозги огромному количеству философствующей публики. А так как у нас привыкли списывать с Запада, то и здесь все повторилось, только с большим старанием примирить христианство и пантеизм. Из этих потуг и родилась идея всеединства.

¹ Семушкин А.В. Вызов Трансценденции. 2012 (неопубликованная рукопись из посмертного наследия философа).

² Лосев А.Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М., 2000. С. 210–211.

Что же касается зла, то оно не природно, потому что все сотворенное есть благо, а зло – результат воли, будь то на космическом или человеческом уровне. Зло персонифицировано и абсолютно реально, оно – не потенция, а то, что ведет мир и человека к катастрофе. Пантеистические рассуждения смазывают остроту проблемы, убаюкивают совесть человека.

Фил. Твои аргументы очень весомы, я с ними, как и раньше, согласен почти полностью. Но есть все же сомнения, которые можно свести к трем пунктам:

1. У человека есть малый разум, подобный Большому (из подобия человека и Бога), значит, для чего-то первый нужен, если дан, и отказывать ему в дееспособности нельзя, гипертрофировать последнюю, конечно, тоже. Основная философская, значит, рационально-теоретическая интенция – панлогизм, переходящий в пантеизм, и игнорировать полностью эту интенцию мы не можем.

2. В теодицее проблема зла никак не сводится только к свободной воле человека (поскольку несколько обидно за последнего, не правда ли?). В соответствии с Откровением, есть еще падший Люцифер, идут войны ангелов, число которых несоизмеримо большее, чем число людей, даже сегодня. Древо познания добра и зла (в Раю!) создано раньше человека, значит, его плодами могли пользоваться и до него. После грехопадения Адаму возбраняется срывать плоды с дерева жизни, это говорит нам уже о греховности, зле, сидящем в нем и обуславливающим его конечность. Представляется, что в принципе зло не вечно и преодолимо. Оно не субстанциально, но, как ты верно отмечаешь, реально, и виновник его и человек, но только «в том числе».

3. Трансцендентность Бога для человека абсолютной быть не может, иначе зачем тогда было основное для христианства действие – воплощение Бога в теле человека? Трансцендентное становится имманентным человеку в синергичном акте, когда он, делая свободный выбор, воспринимает благодать, или энергии, исходящие от Бога, преображается. Если же возможен личностный теозис, то почему невозможен церковный, общественный? Конечно, при этом не следует впадать в «ересь утопизма» и пытаться строить совершенное общество в несовершенном мире. Царство Божие или внутри нас, или в «конце истории», в «мирах иных» (эсхатология). Мир тварен. Антиномия Бога и мира не дает возможности их синтеза в пространственно-диалектическом смысле, поэтому мир может быть только преодолен. Но процесс преодоления мира (исторический процесс) необходим. И он совершается посредством антиномистического синтезирования, т. е. не «снятием» противоречий, а «пульсацией-витанием» между крайними проявлениями антиномии (абсолютно трансцендентный Бог и грешно-имманентный мир в отрыве от него). Связь Бога и мира есть Любовь, без единства она невозможна, если же дистанцирование – тогда Страх. Я не согласен с ортодоксально-христианской мыслью о том, что страх может породить любовь, ведь между ними такая же разница, как между Законом и Благодатью.

Ну и, пожалуй, еще один момент меня смущает. Без интуиции всеединства в «пшик» превращается вся религиозная философия. Конечно, в ней много несовершенств, над которыми следует работать. В частности, думается, неправомерно всеединство считать эмпирическим фактом, даже в пределах только тварного Космоса. Скорее, всеединство – идеал для тварного мира, без которого невозможно его развитие, и еще, видимо, предшествующее грехопадению состояние.

А термин пантеизм, возможно, и неудачен, если рассматривать его с устоявшихся в философии точек зрения. Но в аспекте этимологии этот термин, «пан-эн-теизм», означает «все-едино-божественно», и он, как мне кажется, достоин быть философски развиваемым. Ведь все дело в том, какое содержание мы будем вкладывать в понятие, последнее – лишь символ первого.

Соф. Попробую пооппонировать по определенным тобою пунктам.

1. Никто со счетов рассудок не сбрасывает, у человека есть еще и инстинкты и т.д. Все это для чего-то необходимо. Но к духовному познанию это не имеет отношения. Рассудок – это просто механизм, калькулятор, который можно использовать и во благо, и во вред. Но калькулятор не способен на построение теории относительности. Но вот когда калькулятор возомнит, что он божественный разум, ни много, ни мало, то это уже смешно, если бы не было так грустно.

2. Конечно, зло многообразно и есть до человека. Но в его основе не природная спонтанность, а воля. Зло всегда сознательно и, значит, метафизически персонифицировано. Оно относительно онтологично. То есть для мира оно как бы «онтологично», для Бога – нет. Добро может быть без зла, зло без уже существующего добра невозможно. Оно – раковая опухоль в организме мира. Зло преодолимо только относительно, на уровне поступка человека, и то не без помощи Бога (так как зло сильнее человека). В мире оно будет преодолено полностью только в момент Страшного Суда и только Богом.

3. Личный теозис возможен только энергично, но не субстанциально, не по сущности, а по благодати. То же касается и мира. Трансцендентность от этого не умалается, а человек обоживается. Так трансцендентное воздействует на имманентное – человеческое и мирское. Пантеизм же эту связь мыслит как раз не энергично, а субстанциально.

Что за зверь такой «пульсация-витание»? Это знакомое словотворчество, ничего не объясняющее, но все путающее и, кстати, отнюдь не преодолевающее пантеизм, который может принимать различные обличья – динамического, мистического, натуралистического, эманативного и т.д. От этого суть не меняется, меняются только методы. Но мне неизвестен пантеизм, который бы разрешил проблему свободы, теодицеи, оправдания личности, обоснования духовности.

Страх – начало премудрости. Скажу больше, без страха не родится настоящая глубокая любовь. Но, родившись, любовь объемлет страх. Страх предохраняет любовь от впадения в прелесть и всякие лжеучения. Упомянутая тобой «ортодоксально-христианская» точка зрения (на деле не являющаяся таковой) верна только наполовину: не следует забывать, что не должно быть Божьего Страх без Любви.

Ты говоришь: «пан-эн-теизм» – «все-едино-божественно». Но здесь содержание совершенно определено, и оно высказано. Так это как раз и неприемлемо и в христианском, и в каком бы то ни было ином (включая все мировые религии, даосизм и т.д.), трансцендентном духовном. Проблема в том и состоит, что не все едино, и что

«мир во зле лежит», и зло это непреодолимо только человеческими усилиями. Если встанем на позиции пантеизма, то построение Царства Божьего на земле вытекает просто логически. Это и коммунизм, и нацизм, и гуманистический атеизм. Христианский эсхатологизм раз и навсегда пресекает эти поползновения. Вместе с тем он говорит о беспредельной ответственности человека за «здесь и сейчас», за его личное добро. В пантеизме невозможна такая моральная обостренность. Там все относительно, в том числе добро и зло. Понимаю твою скорбь об определенном роде религиозной философии. Она, хотя и из благих побуждений, но впала во все тот же рационализм, богоборческий гуманизм и т.д., что и новоевропейская. Живя критикой западной философии, но находясь в полном плену у нее, она создавала ересь религии человекобожества вместо христианского богочеловечества. Истина здесь смешана с ложью, и отделить зерна от плевел почти невозможно, необходимо изначально стоять на иной позиции. Наша философствующая интеллигенция занимается этой интеллектуальной «игрой в бисер», в которой друг друга слушают, парируют, выдвигая тезисы, которые ничего не стоят и никому не нужны. А жизнь в это время идет к катастрофе, и люди умирают и от рук бандитов, и от голода. Но никому нет до этого дела. А когда государство разваливается, то все рукоплещут – туда ему и дорога. Наша интеллектуальная атмосфера – это бесовство какое-то, но тихое, незаметное. Однако все серьезное происходит именно так. От атеизма ближе к вере, чем от этого тепленького пантеизма, не веры и не безверия, а чего-то неопределенного, где все смешано и смазано. Самое главное – это отсутствие духа и, как следствие, благодати.

Многое еще можно сказать по этому поводу. Религия – это всегда лично. Это, в конце концов, молитва. Иначе – пустые интеллектуальные разговоры о религии без понимания ее сути. Тебе, Фил, необходимо альтернативное видение, а его невозможно выработать без восприятия духовной философии и, в конце концов – веры. Веру же я мыслю духовно-философски, и в это понимание вмещаются конкретные религии.

Фил. По сути, мы говорим об одном и том же, только в разных аспектах (в смысле не различия мнений, а именно разносторонности позиций наблюдателей одного и того же объекта исследования). Однако полный консенсус подталкивает те самые червы сомнения, которые, наверно, время от времени гложут каждого...

Мне представляется, что по вопросу о «природе зла» у нас с тобой полное согласие и взаимопонимание. То же, в общем, можно сказать и о роли разума (правда, с оговорками, которые я сейчас озвучу), и о трансцендентно-имманентном характере синергии Бога и человека (действительно, ведь иначе – деизм; Боговоплощение, молитва, божественные энергии, сами религии – все это свидетельствует о непосредственной связи).

Однако, как я понимаю, прояснения и разворачивания теперь требуют следующие моменты:

1. Роль разума. Конечно, рассудок чуть больше, чем калькулятор, но принцип тот же. Однако разум от рассудка несколько отличается, допустим, он способен «вырвать» человека из «трансцендентального» мира, помочь осознать трансцендентное. Правда, разум при этом с необходимостью упирается в антиномии, и это вполне обосновано философами. Поэтому возникает вопрос: а нужен ли он человеку? На мой взгляд, последний так уж устроен, что не может не «рационализировать иррациональное». Помогают ему в этом Откровения, предания, но, если мы допускаем наличие развития в мире, то нужно привносить в традиционное понимание и нечто новое (это – не протестантизм, протеста здесь нет, есть только призыв к расширению границ познания). Приходит на помощь интуиция, но не внутренняя, которая есть бессознательная рациональная обработка уже полученной ранее информации, а интуиция внешняя, непосредственное получение еще не вербализованной, рационально-смутной информации. Допустим, эта интуиция, в своей неясности, для личности что-то решает. Но как поделиться полученной, еще не конкретизированной информацией? Только посредством рационализации, схематизирования, упрощения («Мысль изреченная есть ложь»?). Но даже в таком виде это уже движение «вперед» (или «вверх»?..). Конечно, погрешности разума-рассудка не дают возможности прикоснуться к действительной истине, но вот приблизиться к ней, перейти от мистических прозрений к философии мы можем. Часто впадая в «ересь пантеизма».

Один из моих «червей сомнения» твердит: пантеизм, допускающий трансцендентность Бога, а значит, и идею творения, и эсхатологию – не пантеизм, это, пусть и несовершенная, но попытка «рационализировать трансцендентно-иррациональное», внести лепту в обожение человека и становящейся церкви как общности/общинности/единения в многообразии.

2. И уже мы к этому плавно подошли. Христианский прогресс. Только абстрагируйся, пожалуйста, от всех гадостей современного «прогресса». Будем понимать первый как движение человека (личный теозис) и церкви (общественный теозис) к Богу, восприятие ими благодати (свободное!). Такой прогресс или есть, пусть в очень частных проявлениях, или его нет, но тогда – бессмысленность существования и человека, и общества. И этот прогресс – эсхатологичен, он только подготавливает «конец истории».

Отмечу сразу, что здесь моя позиция двойственна, я или склоняюсь к реальности такого прогресса, или полностью отвергаю его, в зависимости от настроения.

3. Страх. Я думаю, правомерно разделение на «страх за...» и «страх перед...». Первый совмещаем с любовью, но он – после нее. Второй же я совместить никак не могу.

4. Антиномистический синтез. Идея, конечно, не моя, но я уже ушел в ее осмыслении далеко в сторону от оригинала. По-моему, в таком подходе есть эвристичность. Традиционная диалектика снимает противоречия. Но есть такие противоречия (экзистенциальные?), которые не преодолеваются в синтезе. Пример. Амбивалентность любви, часто переходящей в ненависть, известна. Но только любовь ко всем реалиям (даже снисхождение к злу!, любовь к грешным) – это у святых, а только ненависть – у демонов. Человек же всегда свободно совмещает в своем мировосприятии и любовь, и ненависть по отношению ко всем вещам. Равнодушие – это когда вещь нас не касается, если углубляться, то оно есть проявление мещанства. Между тем ни любовь, ни ненависть как стороны противоречия никуда не деваются с течением времени, не «снимаются», мы всегда выбираем между ними, и в этом проявляется наша свобода.

5. Единство – всеединство. Пантеизм, вопит мой уже упомянутый «червь сомнения», если и напоминает пантеизм, то это только дефект реализации в корне отличающейся идеи. Если дело в названии, то можно сменить название. Тварный мир всеедин. А Бог и мир? Они антиномичны, а значит, по определению не могут друг без дру-

га существовать. Пантеизм – не умаление Бога, не придумывание «второго бога», что зачастую свойственно пантеизму, стремящемуся сохранить в нетронутости «первый» Абсолют, он – плод нашего восприятия тайн мира, пусть и греховно-ограниченного, результат рационального (иначе просто не можем) осмысления действительности.

Соф. 1. Вначале о рассудке-разуме. В соответствии с приведенной тобой философской позицией, разум – источник заблуждений и «метафизики», которая для человека – «болезнь головы». В традиции, из которой я исхожу, разум онтологичен. Здесь солидарны и античные мыслители, и христианские. Вера не отрицает разум, а включает его в себя. Разум же должен осознавать свои границы и давать место вере. Рассудок – это разум, который не осознает своей ограниченности и не допускает ничего сверх себя. Вера и откровение – не интуиция и не бессознательное, скорее подойдет термин «сверхсознательное». В антиномии впадает рассудок, а не разум. Хотя мир и антиномичен, но разум может вбирать в себя этот антиномизм. Поэтому чтобы верить, не надо отказываться от разума. И об этом сказано и у ап. Павла, и у Святых Отцов, и у многих светских мыслителей. Отсюда и возможность христианской философии, вообще философии, мыслящей трансцендентное, которое в принципе непостижимо. Но оно само открылось нам через пророков, Евангелие и т. д. Если мыслить иначе, то неизбежен пантеизм. Поэтому и заявляют некоторые, что пантеизм есть единственно возможная система разума, единственно возможная философия. А если речь идет о трансцендентном, то это уже не философия, а просто вера, которая мыслится уже иррационально. Но вера – не иррациональна, а сверхрациональна. И если разум не ограничивать привычной логикой, если не мыслить его как рассудок, то тогда и возможна философия духовная, христианская, о трансцендентном.

Еще необходимо четко определиться с понятиями. Что такое трансцендентное? Это не просто сверхсущее, как в неоплатонизме, т. е. не то, что находится на периферии сущего, включая его в себя, это – Ничто из сущего. Оно – за пределами сущего абсолютно, и никак не связано с этим сущим, кроме как своей благой волей, а не субстанциально. Отсюда и креационизм – творение мира из ничего одним актом воли. Отсюда и персонализм этого Трансцендентного. Творить может только Абсолютная Личность. В пантеизме ничего этого нет и быть не может. Сверхсущее мыслится как сущее в целом, оно не может быть личностью, а есть природа, оно не может творить, а только порождать из своего лона. Ну а отсюда и дальнейшие проблемы с теодицеей и моралью, свободой и ценностью личности. Таким образом, различия между пантеизмом и трансцендентизмом принципиальные, их никак нельзя примирить и сгладить противоречия. А смешение – это уже будет ни рыба, ни мясо, эклектика, не выдерживающая никакой критики. Да это, по сути, и невозможно, все равно будет пантеизм в той или иной форме.

2. Наш «прогресс» или наше понимание человеческого прогресса никак не коррелирует с метафизикой, с божественным представлением о прогрессе (если допустимо так выразиться). Наш «прогресс» может по сути оказаться самым настоящим регрессом, ведущим к Страшному Суду. Христианство поразительно антиномично и разумно в своей антиномичности. Страшный Суд неизбежен, так как мир и человек на деле не прогрессируют, а деградируют в духовно-нравственной сфере. Вместе с тем в христианстве человеку с его свободой открывается поприще для деятельности, для привнесения добра в этот деградирующий мир. Нужно спасать то, что можно спасти, и стремиться спасти всех и все, при этом осознавая тщетность этих потуг, и тем с большим усердием осуществлять деятельность добра.

Мудрость не формально-логична. Например, мы знаем, что мы смертны здесь на земле, тем не менее, мы все делаем, чтобы строить свою жизнь. Иначе будет самоубийственный платонизм или материализм. Регресс осуществляется в самом прогрессе. Это обусловлено падшестью человека и наличием зла. Но и в самом регрессе осуществляется прогресс, что обусловлено помощью, исходящей от Бога и доброй волей самого человека. Все это каждую секунду взаимодействует, порождая вектор развития. И мы участвуем в определении этого вектора. Но Богу он известен, а нам дан в Откровении. И я разумно его принимаю, вижу глубочайший смысл и разумность этой эсхатологической идеи. Она дает простор и человеческой свободе, делает человека предельно ответственным, ужасает его и дарует надежду одновременно. А богочеловечество – это вавилонская башня, которую строят многие наши философы (хотя в Библии уже все сказано на этот счет, и чем эти потуги заканчиваются).

3. Вернемся к библейской мудрости: страх – начало премудрости. Он может быть вначале перед грозным Отцом, но должен переходить на метафизический уровень – страх согрешить, страх нарушить закон любви и добра. Второй страх, однако, не отрицает первый, а включает его в себя. Ведь Бог и Господин всей твари. И везде во всем есть своя иерархия, за исключением, разве что, представлений нашей интеллигенции о либерализме и демократии.

Страх – замечательная вещь, необходимая вещь. Поэтому в православии страх Божий называют Божественным даром, который надо заслужить, который надо заработать. И он просвещает, этот страх, и углубляет любовь и предохраняет ее от соблазнов. Страх делает человека бдительным и собранным. Но именно такой страх, а не ужас какой-нибудь. Я говорю о просвещающем и охраняющем страхе, – Страхе, который учит и который выше.

4. Согласен, традиционная диалектика здесь никак не годится. Но ведь когда мы говорим об амбивалентности, то в нее же и впадаем. Отсюда – моральный релятивизм, т.е. уничтожение морали на корню. Мораль возможна только тогда, когда добро абсолютно, а не амбивалентно. Иначе черт знает что. Сегодня одно добро – а завтра другое? В жизни, порой, так бывает, но в метафизике недопустимо. В этой амбивалентности, в этом релятивизме и диалектике, уничтожающей мораль – еще одна ахиллесова пята пантеизма. Добро можно определить как абсолютное только в трансцендентном начале, а если такового нет, если есть просто некое единое, в котором все намешано, то там же и добро со злом, и они переходят друг в друга. На деле же только добро абсолютно и имеет свой источник в трансцендентном. Зло имеет свой источник в сущем. И в сущем зло онтологично, но если исходить из трансцендентного, оно не онтологично, хотя в сущем и абсолютно реально и персонифицировано. Зло, поэтому, может только паразитировать на добре. Но если оно добро уничтожит, то и само погибнет в тот же момент. Зло самоубийственно по своей природе. Однако в эмпирическом мире, где идет постоянная борьба добра со злом, все перемешивается. Особенно у человека, который греховен – в любом его поступке есть добро и зло. Полное добро возможно только тогда, когда он исходит от Бога, когда всецело полагается на Него. И это добро от человека не зависит, но он должен стремиться к нему.

Что касается любви к греховному человеку, то здесь требуется уточнение. Любить в данном случае необхо-

димо человека, который есть подобие Бога, но не поработивший его грех. Т. е. эти вещи необходимо различать – что мы любим в человеке. Если мы любим все, то тоже совершаем грех, так как грех и ненависть любить нельзя. Но нужно верить в человека, в то, что доброе начало в нем победит, и помогать ему любовью в этой борьбе.

5. Несовместимые понятия и мировоззренческие типы: трансцендентизм – пантеизм (панентеизм и т. д.); креационизм – разрывывание, эманации, порождение, исхождение и т. д.; личностность – абстрактное всеединство; Абсолютное Благо – злой бог (несет в себе начатки или возможность зла); утверждение моральности, четкого различия добра и зла – признание диалектики добра и зла, и т. д. Как раз Бог может существовать без мира, а вот мир без Бога не может. Творение осуществляется не по необходимости, а исходя из благодати, доброй воли.

Вот как определяет пантеизм А.Ф. Лосев:

«...всякий последовательный пантеизм обязательно исключает всякую идею творения из ничего и базируется только на истечении божества в окружающем его инобытии, только на божественной эманации, превращающей весь мир только в иерархию постоянно переходящих одна в другую ступеней единой и всеохватной субстанции. <...> Ведь пантеизм есть безразличное обожествление всего существующего с начала до конца, и все несовершенства бытия для него вполне естественны, равно и как вполне необходимы. <...> ...христианское вероучение... требует творения... из «ничего», и творение это может быть только мгновенным, в силу одного умопостигаемо-творческого “да будет”»¹.

Фил. У меня все еще остается потребность в твоём совете.

Страшный Суд, как его традиционно изображают в церковных проповедях и на иконах, вызывает во мне внутренний холодок, однако элемент «лубочности» заставляет искать иные интерпретации. Гипертрофизация Ветхозаветного Закона плохо вяжется в моем представлении с христианской любовью и с тем, что «так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного» за него. Понимаю, что концепт времени неприемлем для «иных миров». Для святого или грешника Суд наступает фактически «сразу» после ухода из этого мира, если не принимать в том или ином аспекте идею метемпсихоза (для которой принципиально неважно, будет ли существовать душа в ином теле или в мирах «надземных», но не «иных»).

Пусть это будет не «переселение» души из тела в тело, а существование в «духовной телесности», смысл от этого не изменится. Будем ли мы сознавать себя, когда покинем этот мир, или же в «анабиозе» (поскольку воскресения человека в теле для мира временного сразу не произойдет) ждать Страшного Суда? И еще один момент. Душа, по христианскому учению, бессмертна (уничтожение грешных душ после Суда пока не берем во внимание), бесконечна, однако, если возникает во времени, при рождении, то имеет начало (наша жизнь – луч?). Значит, процесс творения, по сути, не заканчивается и продолжается каждый исторический день?

Соф. Как помочь тебе разобраться с этими затруднениями?

Мы воспринимаем такое сложнейшее явление, как религия, по-интеллигентски. То есть сначала примитивизируем донельзя, а затем критикуем этот собственный образ религии. А она и, соответственно, ее понимание многослойны. Религия может восприниматься и трехлетним ребенком, а может – и теологом и философом. Естественно, что это восприняты эти (даже когда речь идет об одном и том же) будут различными. К тому же человек легко воспринимает чувственные образы, поэтому религия использует их для объяснения своих символов.

Видимо, нам еще необходимо обсудить идею апокатастасиса². Не может же Бог быть таким бессердечным и обрекать мир на конец и грешника на вечные муки. Я понимаю это чисто духовно. Если дать здесь слабину, то тогда получится, что все позволено. Если нет вечных мук, то снимается моральная острота и глубина проблемы. Апокатастасис в итоге приведет к всепрощению и к тому, чему учит метемпсихоз. Тогда любую подлость можно будет сделать не бывшей. Наши «гуманисты-философы» не постигли этой, казалось бы, простой и очевидной вещи. И еще – Богу все возможно, также и простить любого грешника, и все восстановить из тлена, но нам не дано такого откровения, это за пределами наших знаний и наших предположений. На это нельзя полагаться. Надо полагаться только на то, что сделанное нами здесь и сейчас добро и зло укореняются как бы в вечности и определяют качество нашего бытия навсегда. Только тогда добро есть добро, а зло – зло. Иначе не будет морали. Полагаю, что это глубоко было осознано отцами церкви, которые формулировали догмат о Страшном Суде. И в этом – принципиальное отличие от античной и «доосеовой» духовности, породившей идею метемпсихоза – все оправдывающую идею. Как ни странно, в идее вечных мук больше гуманизма, чем в идее всепрощения, при котором не будет и преступления, так как не будет воздаяния полноценного и абсолютного. Наш поступок абсолютен с моральной точки зрения, и мы несем полную ответственность за него перед лицом вечности. Эсхатология – самая оптимистическая вещь, свидетельствующая о том, что праведники спасутся, и будет правый суд, и все истинное и благое восстановится. Одновременно эсхатология – самая реалистическая концепция, самая духовно-нравственная, так как дает человеку и надежду, и силы на преодоление любых социальных и иных катастроф! Концепция прогресса на редкость примитивна, да и если мы применим к развитию общества шкалу не технократическую, а духовно-нравственную, то мало что от «прогресса» останется.

Далее. Воскресение будет в теле и этом, конкретном, но преображенном, конечно. Все, что происходит с душой, имеет смысл только тогда, когда она это осознает. Метемпсихоз как раз нарушает этот принцип – человек не знает о своих предшествовавших жизнях, поэтому не может нести и ответственности за свои грехи. Грех и воздаяние возможны только при свете сознания, иначе они бессмысленны. После Страшного Суда души не уничтожаются, а попадают в ад или рай. Все души творимы, но вечны. Конечно, полагаю, души и сейчас творятся Богом, когда происходит зачатие и рождение. Но здесь такие вопросы и детали, которые могут быть не зафиксированы в догматике. Я понимаю все эти вопросы и проблемы исключительно духовно, и, если хочешь, философски, но все это не

¹ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М., 2000. С. 232, 252, 119.

² Апокатастасис (др.-греч. ἀποκατάστασις – восстановление) – богословское понятие, используемое в значении «восстановления» и в значении «восстановления всего», когда с ним отождествляется учение о всеобщем спасении. (Прим. ред.).

расходится с догматикой. Адом можно назвать в этом смысле муки совести, когда уже ничего изменить нельзя. Ад и рай уже сейчас в душе человека в крайних своих позициях (отчаяние и благодать). А потом он перейдет в эти состояния навечно. Он сам в этом смысле готовит себе «жилище» переживаниями и поступками здесь и сейчас. Поэтому цель нашей жизни, как говорят Святые Отцы – стяжание Духа Святого, а без него нет спасения.

Фил. Ты говоришь, Соф, что цель, значит и смысл нашей жизни – стяжание Духа Святого, без которого нет спасения. Здесь, как я понимаю, мы вплотную подошли к проблеме вероисповедания. Если позволишь, задам тебе ряд вопросов, возникающих у меня в связи с ней.

1. Как можно уяснить тип философского верования человека, если подчас он неясен и ему самому? Не получится ли при попытке сделать это навешивания очередных ярлыков, мало соответствующих действительности? И можно ли говорить о фундаментальном веровании конкретной личности, если она в познавательном плане все время изменяется, нередко даже перерождается? Один известный философ был прав, когда говорил, что мы все меняем свои доксы¹, мнения; он поэтому и не писал, делая вывод, что по написанному будут судить о нем, а он теперь – другой. Это представляется мне вполне нормальным, поскольку есть живой процесс – философствование, и есть догматическая философия, закрепощающая мысль даже самого автора и мешающая ему двигаться вперед. Разве можно судить о вере человека только, допустим, по его произведениям, написанным достаточно давно? Нужно с ним жить. К тому же, часто и он сам не способен ответить, какая у него вера.

2. Если мы обратимся к вере религиозной, то в этой области мне тоже далеко не все ясно. Допустим, кого можно считать христианином – того, кто принимает символ этой веры, или же того, кто выполняет все официально-ортодоксальные церковные правила? В случае второго варианта ответа не придется ли абсолютное большинство гнать из церкви, но тогда как же быть с откровением «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них», значит, там и Церковь Христова?

3. В силу того, что религиозная вера при своей институционализации нуждается в рационально-теоретическом осмыслении, не будет ли наиболее адекватным для этого философский подход идеал-реализма? На мой взгляд, он вполне соответствует христианству, поскольку тварный мир в нем рассматривается как взаимодействие комплекса идей (тварной Софии) и материальных вещей. Мне показалось, что в некоторых идеал-реалистических концепциях представления о софийности мира, максимально дистанцированные от пантеизма, вполне выдержаны в христианском духе. Идеал-реализм не рассматривает идеи как трансцендентные миру вещей (что неизбежно ведет к пантеизму), а понимает их как имманентные тварному миру (речь идет об идеях в мире, а не в Боге, об «идеях сотворенных»). Он уходит от крайностей идеализма и реализма и коррелирует с богословским концептом «духовной телесности».

4. Не преувеличивается ли роль апофатики в православном богословии? Конечно, она значима в качестве холодного отрезвляющего душа. Ведь катафатика, даже самая скромная, уже ведет к пантеизму (как и всякое рационально-теоретическое философствование, хоть в малой мере, но будет уклоняться в него!), поскольку приписывание Богу предикатов из тварного мира (а какие можем приписать другие?) уже есть если не отождествление, то сопоставление божественного и мирского, имманентизирование трансцендентного. Однако без катафатики не будет и «слова о Боге» – богословия. Согласен с тобой в том, что пантеизм следует вытеснять и из философии, и из теологии, но в каких-то пропорциях он будет присутствовать в них всегда.

Соф. 1. Я думаю, Фил, что если человек не страдает шизофренией, то у него вера одна и доминирующая, определяющая его личность. Она может уточняться, шлифоваться, углубляться, варьироваться – но все равно она присутствует. Да, до конца ее можно и не верифицировать, и не рационализировать, но, тем не менее, она есть, и она определяет все в человеке. Это – некая изначальная интуиция, из которой исходит мыслитель. При чем не просто чье-либо мнение а, если угодно, «медицинский факт», подтверждаемый и житейским опытом. У каждого философа «своя» вера, открыв которую, все понимаешь, потому что логический аппарат просто ее обосновывает, и во многом механически. Это предельные метафизические установки. Вообще философ, если он истинен, выговаривается в своем произведении, а потому по произведениям мы можем судить даже и о его личности. Но нас интересует не столько личность в психологическом смысле, сколько философском – т.е. мы ищем то, что ее определяет. Если ее постигнуть – тайна философствования раскрывается.

2. Вероучительно – да, кто принимает символ веры, тот христианин с мировоззренческой стороны, но это не значит, что он стал таковым и с духовной, ибо это путь длинный в жизнь. И если мы говорим во втором смысле, то первым и последним Христианином был Христос. А если говорим в первом, то христианин тот, кто принимает формальные определения. Но без этих формальных философско-логических и богословских определений невозможно идти по пути формирования духовного христианина. Поэтому нельзя ни отрывать, ни противопоставлять эти вещи. Они дополняют друг друга. Догматически символ веры один и он вслух читается священником за каждой службой и все прихожане его вслух произносят. Что же касается различных аскетических и ритуальных положений, то здесь нет никакого догмата, и вопросы, связанные с ними, могут решаться индивидуально каждым верующим по совету своего духовника. Это очень тонкая материя, и поэтому Церковь не догматизировала этот момент. Вообще, разделение Церкви и паствы не всегда оправдано. Церковь – соборный организм, состоящий и из той же паствы, а не только из иерархов.

3. Я, честно говоря, не знаю, что это за гибрид – «идеал-реализм». Пусть за него отвечают те, кто его придумал. Думаю, что логически он не вполне состоятелен. Но если он соответствует православному мировоззрению, то пусть будет. Хотя я не испытываю никакой нужды в этом термине. В православной традиции достаточный понятийный аппарат, чтобы обойтись без него. Однако, поскольку этот термин помогает кому-то понять истину, он

¹ Докса (др.-греч. δόξα – общепринятое мнение, представление) – в греч. философии ложное мнение (в противоположность истинному знанию), у Р. Барта – термин, восходящий к Аристотелю, часть бартовской теоретической рефлексии об «эстетическом правдоподобии» как о внешне бессмысленном описании, загроможденном бесполезными деталями быта, где трактовка правдоподобного совпадает с точкой зрения традиционной риторики», утверждавшей, что правдоподобное – это то, что соответствует общественному мнению – доксе. (Прим. ред.).

имеет право быть. Меня же он пока только путает. И еще – у Святых Отцов нет этого понятия, значит, они в нем не нуждались. Что оно нам новое открывает сейчас? Для меня – ничего. Что же касается богословского концепта «духовной телесности», то к применению его в философии нужно подходить осторожно и помнить, что материализм не может входить в персонализм, поскольку это будет уже пантеизм. Материя подчиняется личности, но не входит в определение ее сущности. Бог творит материю из ничего и управляет ею.

4. Роль апофатики¹ логически невозможно преувеличить в православии – это просто одно из кардинальных положений, оно вытекает из трансцендентности Бога. Трансцендентное не должно и не может «имманентизироваться», но возможна иная связь, без умаления трансцендентного начала – энергичная, через трансцендентные же Божественные Энергии. Наверное, в этом смысле можно говорить и о «духовной телесности» в богословии, но не в смысле имманентизации трансцендентного (если, конечно, возможно употребление такого термина). В православной и в целом в христианской философии пантеизм не может присутствовать в принципе и ни в каких пропорциях. Иначе это будет уже не христианская философия. Просто связь Единого и многого в пантеизме и Бога и мира, материи в трансцендентизме – принципиально различна и потому никак не совместима.

Может быть, Фил, мои утверждения и несколько категоричны, но речь ведь идет на самом деле об очевидных в православии вещах, здесь не должно быть двойственности. Думаю, что скоро ты поставишь эти вопросы, если будешь так же тщательно подходить к обсуждаемым проблемам.

Фил. Твои ответы, с одной стороны, многое проясняют, но, с другой, – порождают ряд других вопросов.

1. Насчет того, что вера в человеке одна и доминирующая, я согласен, но только почти. Есть, конечно, исключения (которые, правда, как говорят, только подтверждают правило), когда личность коренным образом меняет мировоззрение. И, к тому же, как определить веру в человеке, если она для него самого не ясна? Во всяком случае, по произведению это сделать, на мой взгляд, очень трудно, даже в философском плане. Уточнить начальные мировоззренческие основания последующих конструкций можно, но ведь это не совсем вера. Да, мыслитель верит в эти установки, но если говорить о его вере вообще, то она глубже и шире вычисленных нами оснований, личностнее. А личность чаще всего сама себя понять не может, потому и философствует.

2. Есть Символ веры, и его принятие человеком – оснтвание считать его христианином. Но есть и церковные правила. Поставлю вопрос следующим образом: кого можно считать более достойным называться христианином – верующего в Живого Христа и ищущего Истины (полноты религиозно-жизненного содержания), которая, конечно, не может быть полностью рационализирована, или же того, кто формально-обрядово воцерковлен, однако даже не пытается понять смысл церковной жизни, воспринимая ее как данность и не всегда согласуя с жизнью «обыденной»? Конечно, лучше искать и быть воцерковленным, но это плохо согласуется, ведь если ищешь, значит, ты не удовлетворен наличным, и говорить о воцерковленности можно лишь условно. (Под воцерковленностью я понимаю полное формальное соблюдение всех принятых в церкви обрядовых норм, правил и ритуалов – наверное, лучше сказать, «под воцерковленностью по форме».)

3. Разумеется, я не отрицаю важной роли апофатики в христианском богословии. Но попробуй-ка, объясни набожной старушке, что Бог, Причина мира есть не истина, не царство, не премудрость, не божественность или благодать, не тьма и не свет и так далее. Здесь вариантов нет – старушка начнет анафемствовать. Так что апофатическое богословие – очень важная часть богословия, но теоретическая. Практика же, для которой и строится теория, нуждается в богословии катафатическом². И в нем мы уже стремимся преодолеть пропасть между трансцендентным Богом и миром, приписываем Абсолюту земные предикаты, пусть и очень гипертрофированные, а значит, мыслим Бога имманентным миру (идем «снизу вверх» в процессе познания, от вещей видимых к невидимому). И обвиняемся в пантеизме. Но ведь религия трансцендентно-имманентна! Поэтому я и говорил, что от пантеизма мы никуда не уйдем ни в богословии, ни в философии. Однако это, конечно, не плоский узкологый пантеизм, растворяющий Бога в мире, пантеистические элементы в нашем мировоззрении – неперменный итог стремления к трансцендентному, с одной стороны, и пронизывания тварности благодатными энергиями – с другой. И, может, ничего особо страшного в слове «пантеизм» и нет? Так же, как материализм не может обойтись без идеализма, или хорошее без плохого, чтобы быть вообще, и трансцендентизм не может обойтись без пантеизма? «Имманентизация трансцендентного», конечно, термин неудачный. Лучше – «стремление осмыслить трансцендентное как личностно-внутреннее, имманентное». Здесь аспект не онтологический, а скорее гносеологический.

Соф. Далекое не во всем, Фил, я с тобой согласен.

1. По поводу суждений о вере, по-моему, ты уходишь в плоскость психологических тонкостей. Когда мы рассуждаем о философе и его вере, то она – в его произведениях, и мы судим о философе по его тексту. Другого нам не дано, да и не важно. В истории живет текст, и интерпретируем мы идеи, выраженные в тексте. Дело ведь не в нюансах психологии того или иного мыслителя, а в том, какие идеи он высказал. Идеи же в своей основе имеют интуицию той или иной веры. Вот и все. Остальное – психология, изгибы души, и ими пусть занимаются психологи, психоаналитики или психиатры. Однако согласен с тобой в том, что вера действительно до конца непостижима, так как уходит в трансцендентное, но это не значит, что о ней нельзя говорить. Вера – это

¹ Апофатика (греч. *αποφατικός* – отрицающий) – традиция апофатического, или отрицательного, богословия. богословский метод, заключающийся в выражении сущности Божественного путем последовательного отрицания всех возможных его определений как несоизмеримых ему, познанию Бога через понимание того, чем Он не является. В противоположность положительным определениям утверждаются отрицательные: начиная, например, с «безгрешный», «бесконечный», «бессмертный» и заканчивая «ничто». (Прим. ред.).

² Катафатическое богословие (от греч. *καταφατικός*, – утверждающий) – парадигмальная установка богословия на позитивное богопознание, описание Бога посредством позитивных атрибутов и обозначений (В православии катафатическое богословие утверждает то, что возможно познать о Боге человеку – Его проявление в мире, Его понятные свойства. Таковы, в частности, утверждения катафатического богословия, встречающиеся в Библии: «Бог есть Любовь» [1 Иоан.4:8,16], «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы». [1 Иоан.1:5]). По критерию своей рационалистической ориентации катафатическое богословие противостоит апофатике с ее программным иррационализмом. (Прим. ред.).

самое глубокое, и даже сам человек, верно, может не отдавать себе отчет в ней. Но если мы ее вскрыли герменевтически (что возможно), то поняли человека лучше него самого. В этом и искусство психоанализа – но не только. Философия же это производит на уровне идей.

2. Догмат и поиски Истины и Христа не только неплохо согласуются, но и неотторжимы друг от друга. Чтобы искать Истину и Христа, необходимо иметь представление о них, а об этом и говорит догмат. Догмат – это не конец, а начало пути. Он так же философски и богословски бесконечен и вглубь, и вширь, как личная молитва. То противоречие, о котором ты говоришь – мнимое, оно может возникать только в интеллигентском, внешнем по отношению к вере сознании. Для верующего здесь все едино. Истина эта очень проста, но ее не могут понять даже некоторые «философствующие священники», разрывающие догмат и личностный духовный опыт. Дело в том, что православный духовный опыт может быть получен только на основе православного догмата. Иначе – от лукавого. Если православно это интерпретировать, то дух может быть или от Бога, или от его противника. Вера, догмат – это не конец поисков, но их бесконечное углубление и продолжение. Догмат – это Истина. И только новоевропейское мышление представило догмат как нечто застывшее и мертвое, что является извращенным в корне пониманием. Поэтому полноценно и реально искать Истину (т.е. углубляться в Христа) можно только будучи воцерковленным. И что значит «полное соблюдение всех принятых в церкви обрядовых форм»? В церкви принято очень много, но каждому дается все по его немощи и по его возможностям. Ты же говоришь о восприятии обрядовых форм как о чем-то абсолютном, жестком, всеобъемлющем. Но в каждом монастыре может быть свой устав и у каждого духовника свои правила. Хотя есть и общие принципиальные вещи. Ритуал – это не догмат, хотя и он необходим. Конечно, верующий человек накладывает на себя аскетические обязательства. Не всем этого хочется и не всегда это приятно. Но вера ищет не приятного, а истинного и благого, и кто к этому приходит, тот сам себя ограничивает при помощи церковных норм. Воцерковление прежде всего должно быть духовным, но и «телесным» тоже. В общине пребывает дух, и без помощи сведущих людей в Церкви (духовников, священника) очень легко сбиться с пути. Для помощи и существует этот институт.

3. Снова об апофатике. Набожная старушка может понимать свою веру лучше, чем ее представляют «высокомудрые» философы. Трансцендентность Бога выражена в символе веры, который знает любой прихожанин, но может не знать или не понимать маститый светский мыслитель. В религии нет шизофрении, нет деления разума на теоретический и практический. Разум у человека один, он же и теоретический, и практический одновременно, ибо человек должен поступать так, как думает, иначе он или лжец, или шизофреник. Апофатическое богословие – такая же необходимая его часть, как и катафатическое, и практически, и теоретически. Никакого пантеизма при этом в христианстве нет, так как трансцендентное начало не может умаляться никакой катафатикой. В пантеизме же вообще нет действительной апофатики. Трансцендентно-имманентный синтез в христианстве есть, но он осуществляется не через уступки пантеизму, а через Божественные нетварные энергии, через Дух Святой, через Божовоплощение – у христианства достаточно инструментов для этого без всякого пантеизма. Поэтому как могут быть «пантеистические элементы в нашем мировоззрении – непременным итогом стремления к трансцендентному»? Трансцендентное и пантеистическое не соотносимы. Да, Бог открывается в сердце человека, в его имманентном, но при этом не происходит имманентизации божественного. Дух незапятнан, хотя и действует в материи. Иначе произойдет слияние сущности человека и Бога, а это уже пантеистическая ересь. Человек может обоживаться лишь энергийно, благодатно, но не субстанциально. Иначе будет религия человекобожества, а не Богочеловека. Иначе человек станет богом, а тогда и Бога не надо – так логически пантеизм переходит в материализм. Пантеизм поэтому есть первый шаг к материализму, он просто логически в него вырождается. Он – среднее звено между теизмом и материализмом, образование весьма шаткое и спорное, но очень завлекательное. Насколько я знаю, материализм вполне обходится без идеализма. Для него идеализм – это суеверие. Если бы его адепты могли, они идеализм физически бы уничтожили. Трансцендентизм не только может обойтись без пантеизма, но и в принципе не совместим с ним. Это просто формальная логика. Не может волк полюбить ягненка, тем более нельзя их скрестить естественным путем, хотя были и такие теоретики в генетике, есть они и в философии.

Фил. Ты замечательно говоришь, Соф, но, мне кажется, все еще есть моменты, требующие уточнения.

1. Выявление идеологических аспектов веры, абстрагирующееся от психологических, на мой взгляд, является очень схематичным и, главное, эти аспекты переходящи для самого субъекта веры, если он, конечно, развивается – совершенствуется, или наоборот. Сомневаюсь также, что можно понять другого лучше его самого. Можно составить наше мнение о нем, и только. В принципе, таких мнений может быть бесконечно много – «Как сердцу высказать себя, Другому как понять тебя?». Также думаю, что отдавать психологию личности на откуп психоанализу несколько поспешно, учитывая те достижения, которыми он «отметился» в последнее время. Все аспекты личности – прерогатива только философии (в науке), психология современная вообще потеряла свой предмет – душу.

2. Я различаю догматы и... догматы. В католичестве их великое множество, новые «притираются» к нуждам времени, и тем самым лишают авторитетности старые. В православии такого, слава Богу, нет, поэтому и догматы первых веков христианства в нем так значимы. Но есть новые правила, есть интерпретации старых догматов, есть попытки догматизации некоторых представлений, напрямую не связанных ни с Откровением, ни с Преданием, ни с догматами Вселенских Соборов. Кто может поручиться, что многое в таких новациях не несовершенно, не требует изменений? В конце концов, и писания Отцов Церкви когда-то были итогом живого философствования, и не все в них согласуется с современностью (например, некоторые гендерные и рабовладельческие представления, являвшиеся следствием исторических социальных отношений, не актуальных сегодня). Именно такие исторические догматизации должны преодолеваются, но ни в коем случае не основополагающие догматы вероучения. И ты верно сказал о неразрывной связи догмата и личного духовного опыта. Но не кажется ли тебе, что сегодня процесс «овнешнения» церковной жизни, многими воспринимаемой как ритуал, и только, начинает выходить за рамки допустимого (прейскурант в церкви: бракосочетание – столько рублей, расторжение брака – столько-то). Я понимаю, что и раньше такое было, но, как представляется, не так открыто выражено. «Ростовщизация» нашей жизни, когда «брать с лихвой» стало благом не только в греш-

ном свете, уже доходит до возможных своих пределов. Не думаешь ли, что сегодня актуальна важнейшая задача «популяризации» (в хорошем смысле) и внутренних сторон жизни церкви?

3. О взаимосвязи апофатического и катафатического ты говоришь очень хорошо, действительно – вся эта наша «шизоидность» есть следствие аналитической методологии, препарирующей целое на части. Но без нее не состоялась бы и деятельность разума, имеющего определенные «технические характеристики». Он порождает зачастую противоречия там, где их попросту нет. В том числе, между материализмом и идеализмом, но без последнего ведь не было бы и первого, и наоборот. В этом смысле материализм не существует без идеализма, это – две стороны одной медали, в которой, кстати, реверс и аверс определены неверно. Противоположность материализму – спиритуализм, а идеализму – реализм.

Какие-то погрешности в моем «разумном приборе» заставляют нас возвращаться к пантеистической проблематике и по первому, и по второму, и по десятому кругу. Скорее всего, я как-то иначе, чем ты, внутренне воспринимаю, скажем так, не пантеизм как окончательное мировоззрение, а возможность и даже необходимость пантеистических элементов в нашем мышлении о мире. Полная трансцендентность Божества, пусть и действующего на нас посредством энергий, не укладывается в моей голове. А как же «С нами Бог», ведь в этом утверждении, согласишься, содержится элемент пантеизма. Абсолют и мир невозможно полностью развести. Я молюсь Богу не только как Господину, нисходящему ко мне в Духе, но и как Сокровенному во мне.

Понимаю, что все это нельзя рационализировать, слишком слаб наш разум, но как же иначе? Человеку нужен Бог. А Богу человек? Но ведь это уже связь, религия, соединение несоединимого, антиномия. Мир символичен, символ же, как сказал известный нам философ, есть часть, равная целому (пантеизм?), но при этом целое не равно части. Религиозная связь органична, можем ли мы разрывать ее механистически? Здесь у меня, конечно, больше вопросов, чем оформившихся убеждений.

Соф. Фил, как бы наши рассуждения не стали схоластическими.

1. То, что ты говоришь о вере, правильно, но в определенном аспекте, и не отменяет того, что хотел сказать о ней я. Мы говорим о разных ракурсах этих понятий – они не исключают друг друга. Но меня интересует вера только в метафизическом и духовном аспекте. И не эмпирические (психологические) изгибы и изменения, а сущностное, т.е. духовное познание. То, что другой может познать человека лучше, чем он сам, говорит греме-невтика, педагогика, да и вообще мудрый человек скажет о тебе больше, чем ты сам понимаешь.

2. Никто ни за что и ни за какие новации не может поручиться, но все они не носят догматического характера в православии (хотя в принципе возможны и таковые). Чем тебя смущают преискуранты? Если мне необходимо выполнить какой-то обряд, например, крестить ребенка, то, естественно, я должен заплатить за труд и время священнику, и я не вижу в этом ничего предосудительного. Только деньги здесь не имеют никакого отношения к самому таинству. Ты знаешь, даже святым необходимо питаться (и не только духовной пищей), и они тоже нуждаются в крыше над головой – они так же, как и остальные, живут в теле. Священники имеют семьи, а Церковь – собственность. Это все необходимо содержать. Что здесь такого предосудительного? Мне это совершенно непонятно, но я все время встречаю у наших интеллигентов недоумения по этому поводу. Или они хотят, чтобы другие были у них в рабском обслуживании? Внутренней стороны Церкви никто никогда не отнимал и она есть ее суть, но если кто-то видит только внешнее, кто в этом виноват?

3. По поводу того, с нами ли Бог? Конечно. Но вопрос, как Он с нами, *каким образом* осуществляется эта связь. В христианском понимании нет и не может быть пантеизма. В трансцендентизме, свойственном этому пониманию, связь Бога с миром, как мы уже выяснили, не субстанциальная, а энергетическая. Поэтому здесь не может быть никаких вкраплений пантеизма. Это просто другое принципиально, здесь ничего не прибавишь. Все эти вопросы разъяснены уже у Святых Отцов, в христианской философии. Дух Божий пребывает в каждом человеке, но *неслиянно!* И здесь есть тайна, здесь есть вера, здесь есть о чем подумать. Это то, что обсуждать было бы продуктивно. Но возвращаться к пантеизму – это опять толочь воду в ступе. Если только ты не придумал какой-то новый вид пантеизма, в котором объяснишь происхождение свободы, необходимость морали, теодицею. Тогда я с тобой соглашусь и признаю за величайшего философа!

Символ, энергия, имя, София, связь – все эти понятия могут быть нагружены совершенно различным содержанием, как пантеистическим, так и трансцендентным, весь вопрос в том, *как* мы мыслим. Нужно конкретно брать неоплатонические толкования, а также православно-исихастское понимание и сравнивать, тогда и обнаруживается вся разница и вся проблематика. У меня тоже много вопросов по поводу толкования этих понятий, но они касаются не пантеизма – для меня он философски, духовно и морально несостоятелен. Но и относительно трансцендентизма мне не все ясно, здесь есть над чем думать и чем заниматься, что разрабатывать. Это и есть настоящая метафизика, Вера, Дух, Истина, религия и мораль. Здесь надо копать, и начинать с себя грешного, а не с претензий к Церкви, которая столько претерпела, чудом вообще выжила и, конечно, полна греховных людей, которые искажают ее божественный образ. Но нельзя искажения воспринимать за суть, тем более что искажения не от Церкви, а от греховных людей, пусть и находящихся в ее земном лоне.

Фил. Да, Соф, думаю, ты прав, – то, как мы уходим в рассмотрение разных аспектов одного и того же, действительно ведет к схоластике. Таким образом не то что договориться – приступать к процессу познания нельзя.

Помнится, читал я одного философа, он замечательно пишет о двух путях в познании – причинно-механистическом и основательно подзабытом анимистическом, четко определяя средство для движения по второму пути – интуицию. Когда я его читал, у меня создавалось впечатление, что сонм бессвязных прежде мыслей стал обретать какое-то определенное очертание и направление.

Представляется, что развитие западной философии и науки есть продолжение гностической (в смысле собственной исторической секте) установки о возможности познания «снизу вверх», комплементарной герменевтическому правилу «Как наверху, так и внизу» и полагающей в качестве доминантного средства познания разум. Ничего в этом нет плохого, ведь и церковь рекомендует нам познавать Бога через его творения, так сказать,

осмысливать символы Творца. Но этот путь, однако, в богопознании – только вспомогательный. Преувеличение роли разума привело к созданию, казалось бы, противоположных, но сущностно единых направлений – рационализма (его «интеллектуальная интуиция» есть по определению только способность того же разума) и эмпиризма. Их «война» по поводу универсальности дедуктивной или же индуктивной методологии при внимательном рассмотрении просто смешна! Спорить здесь не о чем, ведь эти методы, одинаково свойственные разуму, здесь возможны только схоластика. А вот путь «сверху вниз» посредством откровенной интуиции был, действительно, забыт. (На мой взгляд, в понимании интуиции присутствует двойственность, требующая преодоления. Азбучная внутренняя, сокровенная интуиция – не интуиция вовсе, а подсознательная деятельность того же разума. Интуиция же всегда внешняя, всегда откровенная, предполагает поступление информации из объективных источников.)

Ты знаешь, я с большим пиететом отношусь к нашим религиозным философам. Ко всем, чтение их трудов – бальзам на мою душу. Что не означает некритического приятия чьей-либо системы. Вообще, всякая философская система в свете сказанного есть попытка использования разума не по назначению – для познания «сверху вниз», при этом неизбежны схематизации, ограничения, деления или умножения действительности, всевозможные ереси и ошибки. Все мы, даже самые гениальные из нас – только люди, и, подменяя рациональными догадками интуитивные озарения (откровения), познавательной цели не достигаем. Поэтому без возвращения на забытый знанием анимистический путь и без доверия к интуиции истинные причины и цели мироздания для нас останутся закрытыми. Но главная ошибка большинства наших мыслителей, думается, в том, что они стали бороться с заблуждениями западных философов... их же средствами! Но рационально невозможно объяснить мир, поэтому содержательно получилась не борьба, а «совершенствование», того же пантеизма, например. Как я понимаю, наш спор о нем подошел к своему логическому завершению. Как к мировоззрению, идущему «сверху вниз», я к нему отношусь крайне отрицательно, веду речь лишь о присутствии пантеистических элементов в нашем познании, когда оно идет по пути разума «снизу вверх».

По поводу «прейскурантов» случилось недоразумение из-за недосказанности моей мысли. Я вовсе не имел в виду, что церковь должна отказаться от доходов, а хотел обратить внимание на сакральность брака, заключающего «на небесах» и на то, как финансово просто, без разрешений иерархов, он сегодня расторгается.

Соф. Твои размышления интересны, и я с ними во многом согласен. Мне кажется, ты называешь пантеизмом не совсем то, что я под ним понимаю. Я в этом отношении мыслю догматически, метафизически, логически, а ты, как представляется, исходишь из определенной интуиции единства и благодатности мира. Думаю, что мы, идя с разных сторон к искомой истине, должны встретиться посередине (или уже встретились). Я также не удовлетворен голым «ничто» – оно в итоге уничтожает саму возможность религии, ибо исчезает связь человека и мира с Богом. Я думаю, что за разрешением этих проблем необходимо обратиться к духовной практике православия – исихазму. Тогда и твои сомнения развеются уже не на основе моего иногда чрезмерного давления, а на основе знания внепантеистической связи трансцендентного и имманентного. Мы с тобой затронули самые существенные вопросы метафизики и религии – надо профессионально продвигаться в этом направлении.

Отсюда вытекает следующий вывод – благой трансцендентный Абсолют может быть таковым лишь в том случае, если Он есть Личность, т.е. Бог. И эта Личность должна быть не абстрактной, а иметь конкретную связь с человеком. Сущностью этой Личности, если Она есть Абсолютное Благо, может быть только любовь как высшее духовное проявление личностного начала в его отношении ко всему сущему. Вот мы и получаем, что «Бог есть любовь» (но не «любовь есть бог», как у Фейербаха) и то, что Он есть Богочеловек. Как сказано в Евангелии: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную».

Таким образом, мысля логически, мы получили с тобой не просто необходимость определенной трактовки и обоснования трансцендентного начала, но и вывели, фактически, христианский Догмат. К его формулированию вело все развитие средиземноморской духовности: как библейско-пророческая традиция, так и вся совокупность греческой философии, ее наивысшие достижения. Понятие абсолютного блага появляется уже у Платона. У Аристотеля философия в своем высшем метафизическом мышлении смыкается с теологией – учением о перводвижателе, который у него есть Бог. Неоплатонизм завершает это в систему мысли, синтезируя все в определенную целостность. Но эта целостность носила пантеистический характер, за пределы которой мысль смогла выйти благодаря прорыву в сферу трансцендентного в опоре на библейскую традицию. Сформулировав таким образом религиозно-философское учение о трансцендентном благом абсолюте – Богочеловеке Иисусе Христе – европейские племена смогли объединиться на развалинах Римской Империи в культурно-цивилизационное сообщество, создать концепцию правового государства и социально-демократического общества. Как сказал Достоевский, европейский мир создан и держится лишь благодаря вере в Христа, утери ее из основания этого здания, и оно, превратившись в игрушечный картонный домик, неизбежно рухнет. Симптомы этого крушения мы с тобой и наблюдаем.

Нужно строить свои философские размышления на интуиции веры, но исходить и из реальных эмпирических историко-философских знаний. Эта интуиция духа порой безошибочно определяет, где начинается «от лукавого». Истинный дух облакает себя в соответствующую интеллектуальную форму, если же дух ложен, то и интеллект будет кривой в отношении истины и вести в пропасть. Этот дух иначе можно назвать верой – внутренней глубинной интуицией Абсолютного. А если этой интуиции нет, то нет, и не может быть ни религии, ни богословия, ни философии в качестве метафизики. Как говорил один мудрый человек, сегодня утрачен «метафизический инстинкт» (А.В. Сёмушкин), поэтому люди занимаются чем угодно под видом философии, но не философией. Следствие этой утраты – возникновение материализма, позитивизма и постмодернизма.

Вообще человек метафизически, или духовно, или религиозно настроенный везде видит знаки, понимая, что ничего не бывает просто так. Это очень глубокое и осмысленное видение, которое обогащает человека, придает смысл всему в его жизни и жизни общества, природы. Атеизм-материализм в этом смысле чрезвычайно убог. Его разномастные приверженцы обычно очень плоски, с ними и поговорить не о чем, они скучны. У них нет духовного мира и глубины, они живут в одном примитивнейшем измерении. А мистики – другая край-

ность, выдумывают всякие фантомы для себя и тешатся ими, пребывая в прелести. Духовное же видение не мистично и не материалистично, а реалистично и многомерно в плане осмысления действительности. Только в нем возможна постановка вопроса о чуде, который чрезвычайно глубок. Истинное чудо (как и свобода, а значит и мораль) возможно только в трансцендентизме. В пантеизме, материализме и т.д. все может быть объяснено эволюционно-механически и детерминистически. Лишь прорыв в сферу трансцендентного дарует нам свободу, благодать и чудо, и их понимание. И как чудесно это понимание!

Абсолютное основание для морали может быть дано лишь Абсолютом, и поэтому мы здесь неизбежно вступаем в сферу метафизики как учения о сверхсущем – трансцендентном. Вот что пишет по этому поводу А.В. Семушкин:

«Издавна и по сей день все трансцендентное, та роль, которую оно играло в жизни человека, раскрывались через упорядочивание смыслового и ценностного хаоса, придание человеческому бытию большей устойчивости и определенности. На индивидуально-экзистенциальном уровне Трансценденция расширяет символические горизонты ценностно-смыслового пространства, выводя смысл жизни и порождаемые им более конкретные смыслы за пределы сиюминутных материально-практических интересов. На социальном уровне Трансценденция формирует основу для коммуникации и интеграции там, где земные прагматические истины могли бы сеять зерна раздора и нетерпимости...

Отказаться от Трансценденции значит обрекать себя на неполноценное существование, значит жить только на половину или на треть. Это значит свести себя почти исключительно к низшим, базовым потребностям, игнорируя потребности высшего порядка, которые в наибольшей степени и отличают человека от животного, а, стало быть, образуют истинно человеческое.

Без Трансценденции человек почти целиком остается в объятиях феноменологического измерения: он – то, что он *есть*, а не то, чем он *мог* бы быть. Без Трансценденции человек знает только о своей ситуационной функциональности: он лишь вещь среди вещей.

Без Трансценденции мир – это только материально-предметный мир позитивной науки, и в этом мире любой конечный смысл неустойчив и абсурден, ибо позитивная наука не спрашивает мир о его бесконечном смысле, который мог бы оправдать смысл конечный.

Так Трансценденция вызывает человека на поединок, и если человек откажется от него, он рискует потерять часть человеческого в себе»¹.

Никакое неметафизическое учение не может ни вывести, ни обосновать, ни утвердить мораль. И это не просто теоретическое положение. Оно подтверждено всей «практикой» человеческой истории: там, где в обществе исчезала вера в Абсолютное благое начало, деградировала мораль и совершались массовые злодеяния в виде войн, тоталитарных человеконенавистнических режимов и т.д. Так как человек не может жить без веры, без метафизики, то сфера абсолютного не может быть уничтожена, но может происходить подмена, когда вместо Абсолюта насильственно создаются кумиры – нарушаются первые две библейские заповеди. Тогда появляются всевозможные вожди и культы личности как своеобразная персонификация Абсолюта в человеческом образе тирана. Так возникает религия человекобожества, в виде веры в коммунизм, нацизм, либеральную демократию (это в ее лоне изобретено понятие «гуманитарные бомбардировки») и кто его знает во что еще. Иными словами, идолопоклонство под видом атеизма. Трансцендентная Вера подменяется земным идолопоклонством, что грозит гибелью обществу, а сегодня, в силу глобализации – всему человечеству.

«Трансценденция подобна недостижимо высокой звезде, указывающей человеку путь. И чем выше горит звезда, тем большую часть мира она способна озарить своим светом. Беда тому, кто не удержит свою Трансценденцию достаточно высоко и уронит ее в пучину преходящих ценностей, сконструированных индивидуальным или коллективным эго, кто будет заставлять Трансценденцию служить этим ценностям, прикрываясь ею как высшей индальгенцией. Тогда свет звезды преломится, исказится, и блеск ее станет кровавым»².

Таким образом, все неметафизические концепции, так как не способны выработать абсолютные основания для морали, объективно и социально ведут к аморализму. Так ради построения коммунизма уничтожались миллионы людей, ради торжества «высшей» нации осуществлялся геноцид иных народов. И, заметь, все эти режимы носят активный антихристианский характер, также как они несовместимы и с другими мировыми религиями и моралью. И каковы же философские основания этих идеологий? Материализм (в случае коммунистической и современной – либеральной) и всевозможные эклектические мистификации (в случае нацистской). Они – «естественные» и логические результаты новоевропейской культуры, деградирующей с эпохи Возрождения в пантеизм, позитивизм, материализм, прагматизм и постмодернизм. Иными словами, возрождаются дохристианские и порождаются антихристианские концепции.

Предвижу твои возражения, что ведь в Средние века были всякие зверства – в виде крестовых походов, казней еретиков и т. д. Отвечу, что эти зверства не идут ни в какое сравнение с тем ужасом, который творился в Европе в XX веке. В Средние века был критерий истины и блага, и творящий зло осознавал, на чьей он стороне. То есть были четкие критерии различия добра и зла, исходящие из Евангелия, хотя действительность этому, конечно, не соответствовала. Сейчас – гораздо хуже, ибо размываются сами эти критерии, грех возводится в добродетель, аморализм превращается в «перформанс», беззаконие – в закон, гедонизм – в смысл жизни. Уже осуществляются гонения на традиционно верующих и Церковь со стороны «новых большевиков» – «передовой» либеральной общественности, идет повсеместная атака на традиционную семью – основу общества. Современная цивилизация все больше напоминает Рим времен упадка. Мы движемся вспять от духовно-нравственных и метафизических открытий «осевого времени».

¹ Семушкин А.В. Указ. соч.

² Там же

Не устану повторять: нужно строить свои философские размышления на интуиции, но исходить и из реальных эмпирических историко-философских знаний. Эта интуиция духа порой безошибочно определяет, где начинается «от лукавого». Истинный дух облакает себя в соответствующую интеллектуальную форму, если же дух ложен, то и интеллект будет кривой в отношении истины и вести в пропасть. Этот дух иначе можно назвать верой – внутренней глубинной интуицией Абсолютного. А если этой интуиции нет, то нет и не может быть ни религии, ни богословия, ни философии. Как говорил один мудрый человек, сегодня утрачен «метафизический инстинкт», поэтому люди занимаются чем угодно под видом философии, но не философией. Следствие этой утраты – возникновение материализма, позитивизма и постмодернизма.

Вообще человек метафизически, или духовно, или религиозно настроенный везде видит знаки, понимая, что ничего не бывает просто так. Это очень глубокое и осмысленное видение, которое обогащает человека, придает смысл всему в его жизни и жизни общества, природы. Атеизм-материализм в этом смысле чрезвычайно убог. Его разномысленные приверженцы обычно очень плоски, с ними и поговорить не о чем, они скучны. У них нет духовного мира и глубины, они живут в одном примитивнейшем измерении. А мистики – другая крайность – выдумывают для себя всяческие фантомы и тешатся ими, пребывая в прелести. Духовное же видение не мистично и не материалистично, а реалистично и многомерно в плане осмысления действительности. Только в нем возможна постановка вопроса о чуде, который чрезвычайно глубок. Истинное чудо возможно только в трансцендентизме. В пантеизме, материализме и т.д. все может быть объяснено механически и детерминистически. Лишь прорыв в сферу трансцендентного дарует нам свободу и чудо, и их понимание. И как чудесно это понимание!

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. М.: Московская Патриархия, 1992.
Bibliya. Knigi Svyashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta. Moskovskaya Patriarkhiya, Moskva. 1992.
2. Дильтей В. Пантеизм в его историческом развитии в связи с ранними пантеистическими системами // Возрождение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации. М. – Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000.
Dil'tei V. (2000). Panteizm v ego istoricheskom razvitii v svyazi s rannimi panteisticheskimi sistemami. In: Vozzrenie na mir i issledovanie cheloveka so vremen Vozrozhdeniya i Reformatsii. Universitetskaya kniga, Gesharim. Moskva – Ierusalim. 2000.
3. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1976.
Dostoevskii F.M. (1976). Brat'ya Karamazovy. In: Dostoevskii F.M. (1976). Poln. sobr. soch.: V 30 t. T. 14. Nauka. Leningrad.
4. Достоевский Ф.М. Дневник писателя // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 12. Л.: Наука, 1994.
Dostoevskii F.M. (1994). Dnevnik pisatelya. In: Dostoevskii F.M. (1994). Sobr. soch.: V 30 t. T. 14. Nauka. Leningrad.
5. Кант И. Критика чистого разума // Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. М.: Чоро, 1994.
Kant I. (1994). Kritika chistogo razuma. In: Sobr. soch.: V 8 t. T. 3. Choro, Moskva. 1994.
6. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. М.: Чоро, 1994.
Kant I. (1994). Prolegomeny ko vsyakoi budushchei metafizike, kotoraya mozhet poyavit'sya kak nauka. In: Sobr. soch.: V 8 t. T. 4. Choro, Moskva. 1994.
7. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. Т. 6. М.: АСТ, 2000.
Losev A.F. (2000) Istoriya antichnoi estetiki. Pozdnii ellinizm. T. 6. AST, Moskva
8. Семушкин А.В. Вызов Трансценденции. [Неопубликованная рукопись из посмертного наследия]. 2012..
Semushkin A.V. (2012). Vyzov Trantsstantsentsii. (Unpublished manuscript from the posthumous legacy).
9. Hunt J. Pantheism and Christianity. William Isbister Ltd, 1884. URL: <http://archive.org/stream/pantheismandchr00huntgoog#page/n5/mode/2up>
10. Cooper J.W. Panentheism, the other God of the philosophers: from Plato to the present. Baker Academic, 2006.

Иллюстрация к «Божественной комедии» Данте Алигьери.
Рай. Художник Гюстав Доре. Фрагмент. 1872.